

УДК 821.161

Моделирование мира в прозе символистов: переосмысление реальных событий («Огненный ангел» Валерия Брюсова)

Ларина Надежда Альбертовна

Кандидат культурологии, доцент,
Государственный социально-гуманитарный университет,
140411, Российская Федерация, Коломна, ул. Зеленая, 30;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена уникальному методу миромоделирования символизма, который подразумевал осмысление реальных событий в символическом пространстве – символический смысл, придаваемый событиям, как правило, влиял на них больше, чем реальные взаимоотношения героев. И хотя практически все символисты творчески перерабатывали события своей биографии, использовали эпизоды из жизни в стихотворениях и в прозе, уникальным представляется случай романа «Огненный ангел», герои которого списаны с прототипов, связанных сложными взаимоотношениями, – Андрея Белого, Нины Петровской и Валерия Брюсова.

Для цитирования в научных исследованиях

Ларина Н.А. Моделирование мира в прозе символистов: переосмысление реальных событий («Огненный ангел» Валерия Брюсова) // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 248-257.

Ключевые слова

Символизм, роман, Брюсов, Белый, Петровская, миромоделирование, художественное пространство.

Введение

Символизм Серебряного века возник «в присутствии» реализма – литературного метода, предполагавшего обобщение, «сгущение» действительности, концентрирование черт реальных людей вплоть до гротеска для воплощения их в художественном образе. Для символизма принципиально невозможен ход мысли «от многого к единому», выведение некой закономерности. Любая индивидуальность драгоценна, любая деталь жизни важна, и все

это не просто подлежит осмыслению в творчестве, а уже является искусством. Иными словами, сколько жизней – столько и искусств! Каждое движение есть произведение искусства, хочет сам художник того или нет.

Искусство как способ выражения душевной драмы: любовный треугольник

Символистский роман зачастую представлял собой результат переживания художником его личных драм. Так, например, драматические отношения героев Андрея Белого с отцом, вплоть до отцеубийства, считаются отражением чувств самого Белого по отношению к его отцу, известному математику [Ходасевич, 2001, 82].

Валерий Брюсов, хотя и не стремившийся изначально к переживанию своей душевной драмы в искусстве и через искусство, также оказался втянутым в орбиту символических отношений. Это история его взаимоотношений с Андреем Белым и Ниной Петровской. В бытовом плане ситуация обстояла следующим образом: в 1903 году вокруг Андрея Белого образуется кружок так называемых «аргонавтов» – молодых московских поэтов-символистов. Членами кружка были Эллис, А.С. Петровский, В.В. Владимиров, С.М. Соловьев, А.С. Челищев, А.П. Печковский и другие [Лавров, Гречишкин, 2004, 8]. Среди аргонавтов находится и Нина Ивановна Петровская – писательница, жена С.А. Соколова (Кречетова), поэта, главы издательства «Гриф». Белый начинает выделять Нину Петровскую из числа членов кружка, подчеркивая их «особую связь», «духовную близость». Однако в январе 1904 года отношения приобретают иной характер. По словам самого Андрея Белого, «...произошло то, что назревало уже в ряде месяцев – мое падение с Ниной Ивановной; вместо грез о мистери, братстве и сестринстве оказался просто роман» [Лавров, Гречишкин, 2004, 15-16].

Зимой и весной 1904 года отношения еще больше запутываются. Белый уезжает в Нижний Новгород говеть, затем возвращается, страдает от утраченного им мистического пророчества, ощущает себя «загрязненным» этими отношениями. В июле Белый резко порывает с Петровской, уезжает в родительское имение Серебряный Колодезь. В августе происходит окончательное объяснение и разрыв. «О, если бы он просто разлюбил, просто изменил! Но он не разлюбил, а он „бежал от соблазна“. Он бежал от Нины, чтобы ее слишком земная любовь не пятнала его чистых риз» [Ходасевич, 2001, 43]. Ситуация усложняется включением в нее третьего лица: Валерия Брюсова. Именно он выбран Ниной для того, чтобы вызвать ревность Белого и отомстить ему. Но почему именно Брюсов?

Андрей Белый и Валерий Брюсов в 1903-1905 гг. сначала находились в смутном, а потом все более ясно ощущаемом противопоставлении друг другу, своего рода дуэли (которая действительно чуть не случилась реально). В 1903 году отношения поэтов походили на дружеские: организуется журнал «Весь», редактором которого, фактически, является Брюсов, и он приглашает Белого в качестве одного из ведущих сотрудников. Поэты обменива-

ются стихотворными посланиями, в которых Белый подчеркивает «магическую» сущность Брюсова, а Брюсов – «пророческую» Белого. Вообще, восприятие Брюсова как «мага», во многом связанное с его увлечением спиритизмом и оккультными науками, было принято в среде символистов. Более того, зная о «светлом», «гармоничном» образе Андрея Белого, Брюсов как «темнsq», «защитник тьмы» сознательно ставит себя в оппозицию к нему. В дальнейшем разрыв только усиливается.

В.Ф. Ходасевич в «Некрополе», анализируя последующую судьбу Брюсова при Советской власти, говорит о любви Брюсова ко всякого рода заседаниям, председательствованиям и тому подобным вещам. Но это отчетливо проявлялось и в 1900-х годах: «Управляя многими явными и тайными нитями, чувствовал он себя капитаном некоего литературного корабля и дело свое делал с великой бдительностью» [Ходасевич, 2001, 43]. Так что противопоставление себя Андрею Белому также можно расценивать как стратегический ход: если выделяется новый лидер, объявляющий себя сторонником света, светлым («белым»!), то необходимо стать сторонником тьмы. В первых стихотворных посланиях, которыми обмениваются поэты, эта оппозиция уже намечается (см. стихотворные послания «В.Я. Брюсову» от Андрея Белого и «Андрею Белому» от Брюсова).

Брюсов, любитель и большой мастер стилизации, в своем стихотворении не просто обозначает свое отношение к Андрею Белому, но и использует характерные черты его поэтики. «Зовы пророчеств», «ризмы на мутных высях», «хохот подземных гномов» – характерные приметы образной структуры ранних произведений Андрея Белого, вплоть до почти цитатного их воспроизведения: «В сиянии небо – вино и золото!» При этом в стихотворении впервые прослеживается оппозиция, со всей определенностью воплотившаяся в последующих личных отношениях поэтов: Андрею Белому, приобщенному к мировой гармонии и пророчествующему на «высях», Брюсов противопоставляет свое авторское «я» в маске страстного и мстительного героя; первый образ наделен оптимистической цельностью и светлым пафосом, второй отмечен трагической дисгармонией» [Лавров, Гречишкин, 2004, 13].

Эти события получили прямое воплощение в тексте романа, написанного Брюсовым после окончательного разрыва отношений с Ниной Петровской. Главная героиня «Огненного ангела», Рената – девушка, в детстве встретившая ангела. Ангел стал ей другом, играл с ней, превращался в большую бабочку, которую она носила в волосах, а зимой – в прялку, которую она всегда могла носить с собой.

Примечательна уже сама внешность ангела: «Было Ренате лет восемь, когда впервые явился ей в комнате, в солнечном луче, ангел, весь как бы огненный, в белоснежной одежде. Лицо его блистало, глаза были голубые, как небо, а волосы словно из тонких золотых ниток» [Брюсов, www]. Напрашивающееся сопоставление: «необыкновенно хорошенький мальчик – Боря Бугаев... Золотые кудри падали мальчику на плечи, а глаза его были синие» [Ходасевич, 2001, 81].

Ангел говорит Ренате о ее будущем предназначении: ей суждено стать святой, и именно поэтому он послан к ней. Рената ведет строгую жизнь подвижницы, подвергает себя добровольным мучениям, готовясь к святой жизни. Однако постов и самобичевания Ренате недостаточно: подросшая девушка воспринимает ангела как своего возлюбленного. Ангел не соглашается быть земным возлюбленным Ренаты, и тогда она пытается соблазнить его хитростью. Ангел улетает, превратившись в огненный столп, и на много дней исчезает из ее жизни. Только во сне он обещает ей явиться в телесном образе через семь недель и семь дней (пост Андрея Белого в Нижнем Новгороде!).

В указанное время в город, где живет Рената, приезжает граф Генрих фон Оттергейм, в котором Рената узнает Мадизля. Он влюбляется в девушку и увозит ее в свой замок, где они в любви и согласии живут два года – но вдруг Генрих мрачнеет и без предупреждения покидает свой замок. Рената решает вернуться к родителям, а по дороге добрые духи-покровители сообщают ей, что скоро она встретит рыцаря Рупрехта – истинного защитника ее жизни. Валерия Брюсова.

Итак, Брюсов выбран Ниной Петровской как оппонент Белого, подчеркнуто противоположный ему во всем. С другой стороны, Брюсов – фигура того же масштаба. Среди «аргонавтов» немало поэтов и писателей, но они – не настолько заметные фигуры, как отвергший Нину Андрей Белый.

До расставания Белого с Петровской Брюсов подчеркнуто не обращал на нее внимания [Ходасевич, 2001, 44]. Взаимная любовь, первоначально лишь оформлявшая «союз против Белого», стала глубокой, подлинной страстью.

Очарованный Ренатой рыцарь Рупрехт направляется с нею вместе в Кельн на розыски графа Генриха. Рената во всех подробностях рассказывает ему о графе Генрихе и удивляется, «как можно его не любить», что причиняет все более привязывающемуся к ней Рупрехту душевные терзания.

Как свидетельствуют исследователи, прототип героини – Нина Петровская – обладала той же склонностью делиться всеми своими переживаниями: «Отвергнутая Белым, но в глубине души преданная ему и желавшая сохранить верность его идеалам и заветам, она делилась своими переживаниями с Брюсовым; Белый тем самым становился постоянным объектом их интимных бесед» [Лавров, Гречишкин, 2004, 20].

Рената и Рупрехт совместно занимаются магией. Первоначальная цель этих занятий – разыскать в магическом мире Мадизля и поговорить с ним, но занятия заходят дальше: и для Рупрехта, и для поначалу отговаривающей его Ренаты магические ритуалы имеют большую притягательную силу. Известно, что Брюсов сам увлекался магией и любил проводить спиритические сеансы. Он даже возлагал определенные надежды на спиритические силы, предполагая, что те «со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству» [Ходасевич, 2001, 51]. Нина Петровская (Рената) играла не последнюю роль в увлечении Брюсова магией. Как известно, для

успешности спиритического сеанса необходим медиум – посредник, человек, обладающий способностью вступать в контакт с духами. Медиумами обычно становились люди особого типа – тонко чувствующие, эмоциональные, даже в чем-то истеричные. К этому типу принадлежала и Петровская [Ходасевич, 2001, 44]. Отталкиваясь от этого момента, некоторые исследователи видят в романе чуть ли не историю болезни: «на примере Ренаты иллюстрируется *истерия* средневековых ведьм; их мистический опыт истолковывается как психическая болезнь» [Мочульский, 1997, 422].

Наконец, граф Генрих встречается с Ренатой и выясняется подлинная причина его бегства: он состоит членом тайного общества, давшего обет безбрачия. Рената заставила его нарушить этот обет, и поэтому он больше не желает видеть ее, считая их любовь мерзостью и грехом. Рената требует от Рупрехта поединка с графом Генрихом, оказавшимся совсем не тем, за кого она его принимала.

В решающий момент, в ночь перед поединком, Рупрехт дает Ренате обещание не убивать Генриха. В результате, вынужденный только защищаться, Рупрехт тяжело ранен, но это приводит и к счастливым последствиям: расцветает любовь между ним и Ренатой. Они живут в счастье, но однажды Ренате является Мадизель и принуждает ее каяться в своих преступлениях. После этого Рената неожиданно исчезает. В жизни поединок Брюсова и Белого перерос в открытое соперничество. И именно тогда Брюсов начал подстраивать Белому своего рода психологические ловушки. По формулировке самого Белого, между ними происходили «сеансы мистических фехтований» [Лавров, Гречишкин, 2004, 21]. В мемуарах и письмах подробно описывается «обмен тостами» – «За тьму!» Брюсова в ответ на «Пью за свет!» Белого; и продолжающийся обмен стихотворными посланиями, где оба героя наделены уже новыми именами, взятыми из скандинавской мифологии: Бальдер – Андрей Белый и Локи – Брюсов. Бальдер – сын бога Одина, светлый и прекрасный, Локи – хитрый и коварный бог тьмы, зла. Стихотворное послание Брюсова сложено в форме стрелы, стихотворное послание Белого – на листе, где начерчен крест и написано несколько цитат из Евангелия и т. д. Наконец, дело доходит до вызова на дуэль.

Примечательно, что, по сравнению с относительно «мирным» текстом двух первых посланий (в них констатируется различие между двумя героями – и только, оба они на свой лад любят эти различия, восхищаются ими), вторая пара стихотворных «писем» содержит уже прямые угрозы. В этой «стихотворной дуэли» Белый ощущал себя победителем. Если Брюсов апеллировал к мифологии скандинавской (Бальдер, Локи, Один, Игдрозил и прочие образы, взятые из скандинавских саг), за Белым стояла мифология христианская. Не случайно лист, на котором пришло послание, был оформлен цитатами из Евангелия и крестом. Любимым Брюсовым дешевым эффектом¹ Белый противопоставлял подлинную,

¹ Предыстория возникновения послания Бальдеру, по словам Ходасевича, такова: «Известен случай, когда перед уходом от Андрея Белого он внезапно погасил лампу, оставив присутствующих во мраке. Когда вновь зажгли свет, Брюсова в квартире не было. На другой день Андрей Белый получил стихи «Бальдеру – Локи» [Ходасевич, 2001, 58].

истинную, выстраданную им веру. Не случайно он отверг мифологическую парадигму, предложенную Брюсовым, и не озаглавил своего ответного послания «Бальдер – Локи». Брюсов признает свое поражение в послании «Бальдеру. II».

Стихотворение не было ни отослано, ни опубликовано, и Белый, по всей вероятности, так и не узнал о его существовании. Но примечательно то, что Брюсов прямо признает, что бой между ними «воздвигся» из-за женщины. По сюжету «Огненного ангела» Рупрехт также первоначально утверждает иные поводы для поединка, но когда понимает, что все это не способно спровоцировать бой, наконец, заговаривает о той, кто с самого начала была причиной столкновения [Брюсов, www].

Однако духовной дуэли оказывается недостаточно. Необходимо, по термину того времени, «довоплотиться», то есть вступить в настоящую дуэль. «Довоплощение», «окончательное воплощение» – странный термин, принятый у символистов. Обозначалось этим термином следующее: человек, ощущающий свое существование и свои переживания как «слишком духовные», хочет обрести их физическое воплощение, жадно ищет конкретики. Цитата из Достоевского по поводу воплощения в «семипудовую купчиху», принадлежащая черту – кошмару Ивана Карамазова², была в ходу между В.Ф. Ходасевичем и свояком Брюсова – С.В. Киссиным.

Дуэль не состоялась: Белый прислал Брюсову письмо, в котором еще раз объяснил свои слова, и Брюсов ответил письмом, в котором счел себя удовлетворенным представленными объяснениями.

Подобно тому, как Рената заставляет Рупрехта поклясться, что он не прольет крови графа Генриха, Брюсова упрекали в попытке вызвать на дуэль и убить «светлого» пророка. «Вячеслав Иванов, бывший с Брюсовым в эту пору очень близок и имевший представление о «символизме» его отношений с Белым, узнав о вызове на дуэль, прислал Брюсову из Женевы негодующее письмо, из которого ясно, что и для него инцидент был наделен опосредованным, своего рода мифопоэтическим смыслом – затрагивал в равной мере сферы «жизни» и «литературы»: «Благодарю силы, которые призываю на тебя, за то, что преступление совершено тобою *только* в мире возможного. Ибо ты хотел убить Бальдера. <...> Я предвидел, что Б. все сделает, чтобы избежать этого кошунственного поединка; но считал возможным и принятие вызова, в каковом случае он, конечно, не поднял бы руки на тебя (твоя жизнь для него священна), но *ты* мог бы его убить, чтобы потом казнить самого себя <...> Исполни мое желание: помирись с Бальдером сполна и братски, ибо ведь и ты, себя не узнающий, – *светлый бог*» [Лавров, Гречишкин, 2004, 37].

Зачем Брюсову нужна была эта дуэль? Зачем вообще все его подчеркнутые провокации и эпатирующие высказывания? Очевидно, все дело в том, как раз в это время он работал над «Огненным ангелом», и для него было важно поведение основных характеров в критические

---

2 «Моя мечта это – воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит».

моменты. Вопросы, задаваемые Брюсовым Белому, провокации, вплоть до вызова на дуэль – все это было необходимо автору романа для работы. Мир художественный напрямую творился из мира реального, и несостоявшаяся «дуэль» была проверкой на прочность. Она закончилась, когда Брюсов уже ясно увидел будущие характеры романа и эксперименты ему не были больше нужны. В 1906 году он посвятил Белому (с согласия последнего) сборник рассказов «Земная ось» со следующей формулой: «Андрею Белому – память вражды и любви».

В романе история Ренаты, Рупрехта и графа Генриха также заканчивается после поединка. Рупрехту суждено увидеть Ренату еще раз, но в качестве узницы инквизиции, отказавшейся от его помощи в побеге. Рената предпочла умереть, чтобы воссоединиться, наконец, со своим Мадизэлем. Рупрехт же, переживший на страницах романа много встреч и разлук, отправился на поиски счастья в Новую Испанию.

Когда роман был опубликован, прочитан, подвергнут обсуждению, жизнь его героев получила различное продолжение. По законам символизма, они не могли сразу расстаться с этой драмой: текст требовал дополнительного переживания, «довоплощения». «Огненному ангелу» было суждено пройти чрезвычайно интересную литературную судьбу: основанный на жизненных событиях, «воплощенный» из жизни в творчество, он затем стал сам влиять на жизнь, получая тем самым «окончательное» воплощение.

Андрей Белый из одного «символического» романа попал в другой: судьба распорядилась так, что на перекрестке двух самых громких и изживаемых в литературе любовных драм символизма оказался именно он. Преклонение перед «женой, облеченной в Солнце» – дочерью великого химика Менделеева, невестой, а впоследствии женой А.А. Блока – переросло в любовь, которая также переживалась в литературном плане.

Нина Петровская, по-видимому, больше всех пострадала от «довоплощения» романа. Если дальнейшая судьба графа Генриха или Рупрехта нам неизвестна, и теоретически можно вообразить себе все что угодно – новые романы, новые приключения, то судьба Ренаты известна – она умирает. В жизни Нина Петровская после выхода романа утратила любовь Валерия Брюсова. Он, автор программного заявления «Быть может, все есть только средство // Для звонко-певучих стихов!», и ее рассматривал как «средство». Средство больше не нужно, роман написан. «То, что для Нины еще было жизнью, для Брюсова стало использованным сюжетом. Ему тягостно было бесконечно переживать все одни и те же главы. Все больше он стал отдаляться от Нины» [Ходасевич, 2001, 45]. Нина бросалась из крайности в крайность: то любила, то ненавидела Брюсова, предавалась мимолетным романам, пила, принимала морфий. В 1907 году она даже стреляла в него, причем сначала собиралась застрелить Андрея Белого, по его собственному свидетельству: «...весною 1907 года читал я публичную лекцию; Н** появилась под кафедрой с револьвериком в муфте; пришла ей фантазия, иль рецидив, в меня выстрелить; но, побежденная лекцией, вдруг гнев свой обернула на... Брюсова... она выхватила револьвер, целясь в Брюсова; не растерялся он, тотчас твердо схватил ее за руку, чтобы эту „игрушку опасную“, вырвавши, спрятать себе в кар-

ман» [Ходасевич, 2001, 276]. Чем не Рената, легко переходящая от безудержной ненависти к графу Генриху к не менее безудержной любви?

В 1911 году она уехала за границу, скиталась по разным городам, голодала, спивалась. Она приняла католическое крещение – взяв себе новое имя, естественно, Рената. Предприняла несколько неудачных попыток самоубийства. И в письмах, и в разговорах мысли о самоубийстве постоянно повторялись с 1906 года – с того момента, как был дописан «Огненный ангел», и на его страницах погибла Рената.

Валерий Брюсов, главный демиург этого символического мира, автор и режиссер своего противостояния с Белым и своей любви с Ниной, вышел из орбиты этого романа благополучнее всех. Он тоже после романа с Петровской оказался втянутым в новый любовный конфликт – и так же точно изжил его в литературе, но на сей раз не прозой, а стихами. В 1912 году с молодой поэтессой Надеждой Львовой повторилась история Нины Петровской. Книжка стихов, посвященная ей, вышла под именем «Стихи Нелли» (намеренная двусмысленность названия: имелись в виду «Стихи, посвященные Нелли», но широкая публика поняла это как «Стихи, написанные Нелли») – интимное имя Надежды для Брюсова. Само совпадение имен выглядит намеренным: в первых вариантах «Огненного ангела» героиня носит имя Велли.

Не менее знаковым совпадением завершается жизнь Надежды Львовой: в конце ноября 1913 года она застрелилась из того самого маленького дамского револьвера, из которого весной 1907 года Нина Петровская стреляла в Брюсова на публичной лекции Белого.

Умер Брюсов в 1924 году. К тому моменту он уже был полностью зависим от морфия, к которому его приучила еще в 1908 году Нина Петровская. Как писал Ходасевич в «Некрополе», в этом и состояла ее подлинная месть Брюсову – а вовсе не в романах со случайными людьми и не в припадках ярости.

Заключение

Роман «Огненный ангел», как и предписывали символистские устои «жизнетворчества», стал не просто воплощением жизни, но и оказал значительное влияние на жизнь многих людей, причем среди них оказались не только герои романа. На стыке двух таких «публично переживаемых» драм оказался Андрей Белый; последовательно, одну за другой, пережил Валерий Брюсов; единственной так и не смогла выйти за всю жизнь Нина Петровская. Моделирование художественного мира выплеснулось за границы текста и перешло в мир реальный.

Библиография

1. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
2. Брюсов В.Я. Огненный ангел. URL: <http://www.silverage.ru/poets/brusov>

3. Брюсов В.Я., Петровская Н.И. Переписка. 1904-1913. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 776 с.
4. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М.: Наука, 1989. 176 с.
5. Ильев С.П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.
6. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Семантика «границы» в картине мира Анны Ахматовой // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2012. № 3. С. 55-62.
7. Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб: ТАЛАС, 2004. 400 с.
8. Мочульский К.В. Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. 478 с.
9. Ходасевич В.Ф. Некрополь. СПб: Академический проект, 2001. 720 с.
10. Чудецкая Е.В. «Огненный ангел». История создания и печати // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 4. 352 с.
11. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты. Томск: Водолей, 1998. 288 с.
12. Ясинская З.И. Исторический роман Брюсова «Огненный ангел» // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван: Айастан, 1964. С. 101-109.

The world modeling in prose of Symbolists: rethinking of real events ("The Fiery Angel" by Valery Bryusov)

Nadezhda A. Larina

PhD in Culturology, Associate Professor,
State University of Humanities and Social Studies,
140411, 30 Zelenaya st., Kolomna, Russian Federation;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a unique method of world modeling of symbolism that implied the comprehension of real events in a symbolic space – the symbolic meaning attached to events, as a rule, influenced them more than the real relationships of the characters. And although almost all the Symbolists creatively processed the events of their biography, used episodes from life in poems and prose, the case of the novel "The Fiery Angel" seems unique. The characters are written off from prototypes connected by complex relationships – Andrei Bely, Nina Petrovskaya and Valery Bryusov.

For citation

Larina N.A. (2017) Modelirovanie mira v proze simvolistov: pereosmyslenie real'nykh sobytii ("Ognennyi angel" Valeriya Bryusova) [The world modeling in prose of Symbolists: rethinking of real events ("The Fiery Angel" by Valery Bryusov)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 248-257.

Keywords

Symbolism, novel, Bryusov, Bely, Petrovskaya, world modeling, fiction space.

References

1. Belyi A. (1994) *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. Moscow: Respublika Publ.
2. Bryusov V.Ya. Ognennyi angel [The Fiery Angel]. Available at: <http://www.silverage.ru/poets/brusov> [Accessed 19/01/17].
3. *Bryusov V.Ya., Petrovskaya N.I. Perepiska. 1904-1913* (2004) [Bryusov V.Ya., Petrovskaya N.I. Correspondence. 1904-1913]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
4. Chudetskaya E.V. (1974) "Ognennyi angel". Istoriya sozdaniya i pechati ["The Fiery Angel". History of creation and printing]. In: *Bryusov V.Ya. Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Bryusov V.Ya. Collected Works: in 7 vol. V. 4]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.
5. Ellis (Kobylynskiy L.L.) (1998) *Russkie simvolisty* [Russian Symbolists]. Tomsk: Vodolei Publ.
6. Ermilova E.V. (1989) *Teoriya i obraznyi mir russkogo simvolizma* [Theory and image world of Russian symbolism]. Moscow: Nauka Publ.
7. Il'ev S.P. (1991) *Russkii simvolistskii roman. Aspekty poetiki* [Russian Symbolist novel. Aspects of poetics]. Kyiv: Lybid' Publ.
8. Khodasevich V.F. (2001) *Nekropol'* [Necropolis]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.
9. Kikhnei L.G., Merkel' E.V. (2012) Semantika "granitsy" v kartine mira Anny Akhmatovoi [The semantics of "the border" in the worldview of Anna Akhmatova]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya* [Bulletin of the Tver State University. Series Philology], 3, pp. 55-62.
10. Lavrov A.V., Grechishkin S.S. (2004) *Simvolisty vblizi. Ocherki i publikatsii* [The symbolists close. Essays and publications]. St. Petersburg: TALAS Publ.
11. Mochul'skii K.V. (1997) *Aleksandr Blok, Andrei Belyi, Valerii Bryusov* [Alexander Blok, Andrei Bely, Valery Bryusov]. Moscow: Respublika Publ.
12. Yasinskaya Z.I. (1964) Istoricheskii roman Bryusova "Ognennyi angel" [Bryusov's historical novel "The Fiery Angel"]. *Bryusovskie chteniya 1963 goda* [The Briusov Readings of 1963]. Erevan: Aiastan Publ., pp. 101-109.